

— Тётя, еслибъ вы только знали, — съ глубокимъ вздохомъ сказала она, — какъ я была несчастна!

— Ну, не ехидничай, Анна, — съ досадою произнесла Александра Ивановна и махнула рукой: — слава Богу, я тебя отъ рожденья знаю! Мать твоя наплясалась съ тобой въ дѣтствѣ!.. Скажи, что ты тутъ дѣлаешь?

— Какъ что? я лечусь.

— Отъ чахотки, что ли?

— Да, доктора подозрѣваютъ, что у меня чахотка.

— Ну, матушка, ты насъ всѣхъ переживешь! Чахотки у тебя, воля твоя, никакой нѣтъ, а печень пожалуй не въ порядкѣ.

Слеза скатилась по смуглой щекѣ Анны.

— И вы не вѣрите, что я больна, разбита? что мое единственное желаніе склонить голову на первый камень и умереть...

Вѣра Андреевна съ состраданьемъ посмотрѣла на эту приниженную, обиженную судьбой фигуру, и все же въ душѣ ея шевельнулось не сочувствіе, а что-то похожее на отвращенье.

— Я вѣрю тебѣ, Анна, — сказала она, — но не отъ насъ ли самихъ зависить наше душевное довольство и спокойствіе?

Анна грустно покачала головой.

— А обстоятельства? — сказала она, — жестокия, неумолимыя обстоятельства? То, что предки наши называли судьбой, рокомъ и передъ чѣмъ покорно склоняли голову! Развѣ ты не признаешь обстоятельствъ?

— Право, не знаю, какъ тебѣ сказать...

— А я знаю! Я несу ихъ ярмо съ рожденья. Я простонала подъ ихъ гнетомъ всю юность и, можетъ быть, скоро зачохну подъ ихъ бременемъ...

— Неужели твои обстоятельства такъ ужасны, что нѣтъ никакого исхода?

Анна покачала головой.

— Передъ тобой цѣлое море, — отозвалась Александра Ивановна, — поди да и бухъ въ воду! Вотъ тебѣ и исходъ.

Вѣра Андреевна съ упрекомъ посмотрѣла на мать.

— Съ чего же она на себя дурь напускаетъ! — съ досадою воскликнула Александра Ивановна: — тутъ, кажется, не съ кѣмъ интересничать...

— Тётя, вы всю жизнь были счастливы — а счастливый несчастнаго не понимаетъ!..

Дошли до берега моря. Стали располагаться подъ тѣнью парусиннаго навѣса. Вѣра Андреевна окликнула дѣтей и представила ихъ новой тётѣ. Анна съ увлеченьемъ перецѣловала всѣхъ,